

Оглавление

Вечерняя фриттата	7
Эвтерпа	13
Талия, Мельпомена и Терпсихора	107
Урания	195
Эпилог	242
Благодарности	253

Посвящается всем дядям и тетям в мире

Лишь на мгновение
вернуться бы в детство,
увидеть своих,
у плиты погреться,
расчесать волосы кукле,
пока все болтают на кухне.
Мама расскажет о шествии и крестах,
а сестры — о своих женихах.
Я бы хотела
посмотреть из окна,
как падает снег,
как папа читает...
Я бы к маме забралась на колени
и затихла.

А. И. Брунати. Лишь на мгновение

Самый лучший ребенок — тот, что еще
не вырос.

Н. Хикмет. Самое лучшее море*

---

* Перевод Бориса Слуцкого.

Вечерняя фриттата

Брешиа, февраль 1945

В тот вечер они ели на ужин фриттату с луком и сыром, которую приготовила бабушка Инес.

Это событие само по себе было удивительным, потому что в бетонном курятнике за домом осталась всего одна курица, которая зимой не неслась. Самое большее, на что она была способна, — вылететь ненадолго на улицу и усесться на низкую ветку цикадного дерева. Пиппо следил за ней из будки, нехотя вилял хвостом, зевал и ловил ртом снежинки.

Яйцами разживались редко, как и другими продуктами, которых теперь и вовсе почти не осталось. Фриттату с луком и сыром готовили по особому случаю, и пяти сестрам ее всегда было мало.

— Нам нужны силы, нынче-то. Ребенок на подходе, — сказала бабушка, беря яйцо из корзинки и показывая его внучкам.

— Детеныш, то бишь ребенок, пока что внутри, то бишь в животе, как в скорлупе. Не думайте, там внутри у него все чин чином. В животе есть все, что ему нужно. Но скоро он выйдет наружу, и тогда ему понадобится мы. Чтобы родить ребенка, нужны мышцы.

И она — крестьянка, к пятидесяти годам уже успевшая состариться, — показала мышцы на иссохшей руке.

Девочки рассмеялись, но тихонько, чтобы не потревожить Бьянку, свою маму. Та лежала в постели, скорчившись и обхватив живот руками, и тяжело дышала. Лицо ее, повернутое к стене, было покрыто испариной. Но сестры не смогли сдержать смех, отчасти из-за бабушкиного жеста, отчасти из-за смеси диалекта и итальянского, на которой она говорила. При папе все общались только на итальянском: он был образованным, изучал античную историю, и ему не нравилось, когда дочери переходили на брешинский диалект.

— Она в порядке? Я про маму, — спросила десятилетняя ясноглазая Мельпомена.

В углу комнаты трепетал маленький огонек желтоватой свечи, порождая на стенах пляшущих призраков, каждый из которых был куда больше, чем само пламя. Снаружи ночь, величественная и бессловесная, ласкала дом звуками зимы: с потолка просачивалась вода и капала в одно и то же место на полу, с крыши под окна с шорохом

скатывался снег; беспокойная сова, забыв о спячке, подавала голос с голых веток цикадного дерева.

Из поврежденного приемника, который лежал у папы на коленях, были слышны помехи. Отец пытался его настроить, чтобы узнать последние новости о конференции трех президентов. Так их называла Эвтерпа, хотя не все они были президентами.

«...Уин... стон... из Ялты раньше... ш-ш-ш... обсудить... Японию... Объединенные нации... ш-ш-ш... мир».

— Какое там в порядке, о чем речь. У нее из живота ребенок вот-вот вылезет! — воскликнула Талия. В свои тринадцать лет она не упускала ни единой возможности прицепиться к младшей сестре. Эвтерпа, старшая сестра, которой недавно исполнилось пятнадцать, прервала ее и осадила с важным видом:

— Не говори так, Талия, ты пугаешь ее. Возьми-ка Уранию. Она вот-вот уснет и свалится со стула.

Талия в один присест съела свою порцию фриттаты, встала и взяла на руки двухлетнюю Уранию, которая сидела на стуле с подушками — их подкладывали специально, чтобы малышка могла доставать до стола. Урания привалилась к ее плечу и сразу же задремала.

Накрыв сестру одеялом до самого подбородка, Талия услышала взволнованные голоса, доносившиеся из главной комнаты, откуда она вышла

несколько минут назад. Обычно девочки ночевали на чердаке: они забирались туда наперегонки по деревянной скрипучей лестнице. Последней отводилась неприятная обязанность — закрывать тяжелый люк. Зимой на чердаке не спали из-за холода, поэтому сейчас там были только подвешенные для просушки кисти винограда.

Талия поспешила в главную комнату: у мамы начались роды, а у ее кровати, сырой и измятой, стояли папа с Эвтерпой и держали маму за руки и ноги. Талия тут же пожалела, что напугала Мельпомену. Теперь ей самой стало не по себе.

Мама громко стонала и утробно кричала. Талия не хотела этого слышать.

— Зови повитуху, скорее! Одна нога здесь, другая там! — скомандовала Эвтерпа на диалекте, не оборачиваясь. Талия метнулась к двери, распахнула ее, и в дом ворвался холод.

Снаружи воздух был неподвижен: казалось, что надвигается гроза. Ее предвещали беззвучные вспышки света, словно кто-то фотографировал пейзаж за домами района Карриоле. Талия мчалась, машинально выбрав самый короткий путь до дома акушерки. Ее застала врасплох молния, очертившая ближайшие к городу угольно-черные, на контрасте со вспышкой света, холмы. Между ними лежала долина, напоминавшая букву V или чаек, которых рисовал Нери. Надо же, гроза после снегопада...

— Эвтерпа, нам-то что делать?

Сидевшая в углу Мельпомена прижалась к пятилетней Терпсихоре, в тихом ужасе от осознания того, что «скорлупа» ее матери уже трескается и вот-вот разобьется. Этот ужас был глубоким, потаенным, его выдавала лишь дрожь, от которой тряслись черные кудряшки на голове девочки. Даже бабушка Инес забыла о внучках. Она ставила ведра с водой на затухающие угли в камине и искала чистые отрезки ткани, припасенные для родов.

— Терпси, поди-ка к Урании. Проверь, как она. Убедись, что не проснулась, — скомандовала Эвтерпа, не сводя глаз с матери.

Малышка зашагала к выходу из комнаты. Бьянка громко закричала, и Терпсихора с плачем бросилась в темноту.

Эвтерпа держала ведро с теплой водой, пока бабушка окунала в него ткань.

— Беги за Нери, Мельпомена. Лети мухой! — бросила она сестре из-за плеча.

— Нет! Только не Нери! — воскликнула мама, приподнявшись на руках. Она тяжело дышала через рот, глаза покраснели от напряжения.

— Почему? Я обещала ему, что он первым увидит ребенка. Говорила, что перво-наперво позову его, — сказала Эвтерпа.

Бабушка Инес посоветовала ей забыть об обещании.

— Мы знаем, что Нери твой друг, но он юноша. Он из мужчин. Мы сталкивались, помнишь?

Девушка опустила взгляд.

— Да. Я помню уговор. Только папе можно находиться здесь. Другим мужчинам нельзя.

У мамы началась новая схватка, бабушка повернулась к ней, и Эвтерпа быстро отвела Мельпомену в сторону.

— Найди Нери. Это важно, верь мне! Беги во всю прыть! — прошипела она сестре.

Дрожавшая девочка шагнула в синюю стылую ночь, грозившую разразиться бурей.

— Это мальчик! — услышала она возглас из дома. Мельпомена помчалась со всех ног.

Глава 2

Верона, апрель 2005

Не уверена, хочу ли я знать, что внутри.

— Ну же, открывай! Охота глянуть!

Как обычно, меня окружили тетушки, которые вели себя как школьницы. Они заполнили мою комнату, не оставив свободного места, Терпси даже втиснулась под вешалку с моими винтажными жакетами. Я растерялась: не понимаю, ума не приложу, нравится ли мне их участие или оно меня душит? У меня возникло искушение выбросить коробку в окно и сорвать слуховой аппарат. Иногда я специально снимаю его, чтобы остаться наедине с собой.

Когда мама начала догадываться, что со мной что-то не так, и повела меня к врачам, те посоветовали ей родить второго ребенка. Врачи считали, что младший брат или сестра смогли бы заботиться обо мне в будущем и я не осталась бы одна. Мама не знала, как объяснить врачам, что этот вариант

для нее отпадает. Я была плодом мимолетного романа, так откуда взяться брату или сестре, разве что мама когда-нибудь встретит мужчину, с которым решится на серьезные отношения. Но я была уверена, что подобная мысль ей претила.

Первое, что помню после операции на правом ухе, — звук текущей воды из крана. Мне разрешили включать и выключать ее целый день. Тети смеялись, видя мое изумление. До операции я думала, что вода льется мне на руки беззвучно. Маму восхищали мои первые реакции. А я хотела сестренку...

К реальности меня вернула изящная белая рука Талии. Кожа у нее мягкая, такая бывает у женщин только в солидном возрасте. Талия полезла в коробку. Но история жизни тетушки Эвти кроется между датами рождения и смерти; в том, что она сделала и не сделала, а не внутри дурацкой коробки.

— Тетя Талия, прекрати.

— Но я хочу посмотреть, что там внутри!

Я глубоко вдохнула.

— Тетя Эвтерпа, твоя старшая сестра, велела, чтобы я первая открыла коробку. Понятно, тетушки?

— Тогда давай открывай. Посидеть же здесь можно хотя бы? — спросила Талия, надувшись.

— Если она останется, то я тоже! — воскликнули тетя Мельпомена и тетя Терпси, почти хором. Они даже не понимали, о чем шла речь.

Как-то в школе учительница предложила нам сделать капсулу времени. Ей нравились Соединенные Штаты (как же манит перечислить их: Алабама, Аляска, Арканзас...), и перед этим мы выполняли задание с яйцом, как в американских школах. Каждой паре учеников выдавали яйцо, помеченное особым образом, чтобы мы его не подменили. Оно изображало младенца, за которым требовалось неделю ухаживать и следить, чтобы не разбилось. Потом нужно было написать эссе о пережитом опыте.

Меня очень смущают яйца. Нарисуй на яйце лицо — и оно превратится в идеальный череп. Цвет у яйца странный, не могу вспомнить в природе ничего похожего, кроме человеческой кожи. У яиц может быть совсем разная текстура, смотря как их приготовишь. Для домашней пасты их требуется сотня. Мягкие, липкие, нежные и в то же время склонные к самоубийству. Никогда не оставляйте яйцо на столе без присмотра.

Мы с напарницей разбили «младенца» в последний день. Меня не волновала итоговая оценка, я просто старалась его не трогать, а она положила яйцо в пластиковый стаканчик и время от времени на него поглядывала.

В конце концов она его уронила. Помню ее раздраженное выражение лица.

— Учительница заставит нас мыть пол. И точно не поставит пять с плюсом.

Я даже не взглянула на желтую сопливую лужицу. Мне хватило звука, с которым яйцо разбилось. Внутри у меня что-то оборвалось. Дома я безутешно плакала, мама и тети пытались меня утешить, а бабушка Бьянка даже купила упаковку яиц, с которыми я могла обращаться как с младенцем.

Когда я увидела яйца, меня стошнило прямо в постели.

А потом мы собирали с учительницей капсулу времени.

Учительница добыла серебристого цвета капсулу, похожую на те, в которые кладут лекарства, только большую. Она раскрывалась пополам, а когда закрывалась, то по форме напоминала... яйцо.

Мы сложили в капсулу несколько предметов, которые нашли в классе: коробку мелков, фенечку, сплетенную с учителем на уроке труда, несколько рисунков, письмо для учеников начальной школы из будущего, которое мы писали все вместе. Я всего лишь поставила свою подпись, но письмо писали от лица всех. Потом учительница опустила яйцо в яму на школьном дворе и закопала его.

В этот раз меня не рвало, я ощутила только неминуемость смерти.

Теперь пришла пора открыть еще одну капсулу времени. Мне стало нехорошо, совсем нехорошо. Тонкий слой картона отделял меня от прекрасного

создания, в котором еще несколько дней назад теплилась жизнь, которое шевелилось, удивлялось самому своему существованию и в то же время прекрасно чувствовало каждое перышко, выросшее из его кожи. Эдакий новорожденный птенец.

— Может, откроем? — Джада зашла ко мне в комнату. Одна из ее тугих крашенных кудряшек раскачивалась у меня перед носом. Мне не оставалось ничего другого, кроме как довериться ей, приехавшей с другого конца света, чтобы стать моей опорой.

Я поставила коробку на постель между нами. Должно быть, она уложила тетушек спать.

— Твоя мама мне все рассказала. У тебя теперь есть дом.

— У нас есть дом, — поправила ее я.

У Джады на глаза навернулись слезы, но она продолжала мыслить ясно. Иногда она напоминает старуху, запертую в молодом теле.

— Подожди. Сначала тебе нужно найти Лоренцо. Я улыбнулась.

— Нам нужно найти Лоренцо.

Джада вскочила на ноги и закружилась в карибском танце.

— Muito legal!* Почему ты сразу не сказала, что тебе нужна помощь?

— Мне казалось это само собой разумеющимся.

---

* Muito legal (*порт.*) — прекрасно.

Она замерла.

— Большая ошибка, querida*. А теперь давай все-таки откроем коробку.

— Не уверена, правильно ли я поступаю, открывая в первую очередь ее.

— Что ты имеешь в виду?

Джада снова уселась на кровать.

— Мне кажется, с точки зрения историка нужно опираться на последние достоверные документы, которые у меня есть.

— А какие у нас последние достоверные документы?

Я помолчала пару секунд.

— Завещание тетушки Эвтерпы.

Джада встала и подтянула джинсы.

— Которое, если я не ошибаюсь, ведет нас прямо в Брешию, к монахиням, так?

— Да.

Я взяла копию завещания и прочитала: «Детский приют при монастыре служанок милосердия святой Марии Крочефиссы Ди Розы».

Джада хлопнула в ладоши — один-единственный раз.

— Прекрасно. Тогда вперед, начинай собирать вещи. Мы едем в Брешию.

Мне не хватило духу поднять на нее глаза.

— А как же твоя работа?

---

* Querida (*порт.*) — дорогуша.

— Carinha*, — ласково ответила она, — ты историк, предавайся размышлениям, об остальном позабочусь я.

Прежде чем бросить маму дома одну, я включила компьютер и начала искать в интернете Лоренцо Флавиани.

Незадолго до этого я поговорила с мамой.

— Ты знала, что у тебя есть брат?

Новость о моем отъезде расстроила ее, она раздраженно протирала столовые приборы и стаканы.

— Я не это имела в виду, когда говорила, что тебе нужно стать более самостоятельной. Переехать в другой дом, вот так, ни с того ни с сего... для тебя это чересчур, — сказала она, не оборачиваясь. — Но да, я знала, что у меня был брат. Когда он родился, я была совсем маленькой, мне было два, может, два с половиной года... Я была уверена, что он умер во время или сразу же после родов.

— Почему ты никогда не рассказывала мне о нем?

Мама повесила кухонное полотенце на ручку двери и тщательно разгладила на нем складки.

— Не знаю. Может, потому, что не слишком приятно представлять себе мертвого младшего брата, жизнь, которую он мог бы прожить... А может, потому, что его словно никогда и не существовало, по крайней мере для меня, ведь я была маленькой.

---

* Carinha (*порт.*) — малышка.

— Тетушки никогда не рассказывали о нем?

— Иногда я слышала, как они говорили о Лоренцо. Правда, не очень часто. Эвтерпа в основном отмалчивалась, а когда разговор заходил о нем, она замыкалась, не шла на диалог. Ты знаешь, какой она была.

У мамы на глаза навернулись слезы: она впервые упомянула сестру в прошедшем времени. Впервые осознала, что Эвтерпа отжила отпущенный ей на земле срок.

— Мама, — настаивала я с привычным хладнокровием, — почему тетя не переехала жить к нам со всеми остальными?

Мама легко улыбнулась и ответила, что теперь сомневаться не приходится: Эвтерпа не переехала, потому что ждала возвращения Лоренцо.

Если мамин брат родился через несколько лет после нее, ему должно быть под шестьдесят или около того. Не исключено, что у него есть или была работа, например семейное дело, для которого требовался сайт. Может, дети или внуки Лоренцо создали какую-нибудь страничку.

Нашлась только одна ссылка. Я перешла по ней и обнаружила исследование римского врача-дерматолога лет за сорок. Я написала ему письмо.

«Здравствуйте, я ищу родственника по имени Лоренцо Флавиани; не было ли в Вашей семье человека, в честь которого Вас могли так назвать? Заранее благодарю Вас».

И сразу же получила автоматический ответ: специалист ответит как можно скорее.

Хорошо. Подожду, хотя я не уверена, что ребенок, которого давно считали мертвым, мог вырасти под именем Лоренцо Флавиани.

Онлайн-исследования — прекрасное решение для тех, кто, как и я, сторонится публичных мест, например муниципальных учреждений. Но как историк я знала, что нет ничего лучше расследования на месте происшествия. Так что я продолжила собирать вещи.

На первомайских выходных мы перевезли вещи в дом тети Эвтерпы, то есть в дом бабушки и дедушки.

У Джады мурашки побежали по коже, когда я открыла тяжелую деревянную дверь, ведущую в большую комнату на первом этаже.

Она перекрестилась.

— В этом доме духи водятся, *carinha*. У них здесь остались незавершенные дела.

Я почти поверила подруге. Казалось, комнату на первом этаже не трогали со времен Второй мировой войны. Я не видела никаких следов присутствия тети. А ведь она жила здесь до прошлой недели. Похоже, что за шумом и болтовней, которыми тетушки наполняли наши дни, скрывались безмолвие и тщательно охраняемые тайны. Теперь они поднимались, как тесто для пиццы, которое

мама оставляла в машине летом — отчасти чтобы удивить меня за ужином, отчасти чтобы все ингредиенты лучше раскрылись в тепле старого коричневого «Фиата Уно», раскаленного за день.

Дом стоял на отшибе, и нам потребовалось добрых полчаса, чтобы добраться от вокзала до нужного адреса. Мы волокли за собой чемоданы и наконец оказались в миниатюрном городке, где всё еще работали булочные, мясные лавки, цветочные магазины.

— Какое-то время мы ездили в торговый центр, — рассказал нам владелец небольшого бара на площади, коренастый, красный, почти лысый мужчина в очках с линзами толщиной в два пальца. — Теперь все возвращаются. Молодняк приезжает сюда жить, потому что здесь дешевле. Заглядывает много иногородних студентов.

Во мне будто дернулась стрелка компаса, когда я услышала диалект, на котором говорили в моей семье. Я спрятала улыбку за распущенными волосами и очками. Мы с Джадой тоже представились студентками, забравшимися далеко от дома. Мы решили пока не раскрывать подробностей наших поисков.

— Раз так, — сказал бармен, представившийся как Роберто, — я официально открываю вам счет в моем баре. Студентов обслуживаю в долг. Я знаю, что они не могут платить регулярно, но считаю, что имеют право выпить бокал пива вечером.

А еще они привлекают клиентов. В пустой бар прохожие не пойдут.

— Какой странный тип, — заметила Джада, воюя с желтым чемоданом. — Никогда не встретила настолько щедрого бармена.

— Мне стыдно, что мы наврали ему с порога.

— Слишком хороший у него был кофе, чтобы отказываться. На днях вернемся и расспросим его подробнее. А когда все закончится, придем и расскажем правду.

Когда мы пересекали площадь, вымощенную таким светлым камнем, что в солнечном свете его белизна резала глаза, я огляделась. Похожая на хлебную муку пыль вилась в нескольких сантиметрах над землей, в ней терялись контуры площади, на которую выходили магазины и несколько заброшенных зданий.

Мне дома показались красивыми. Интересно, что бы они рассказали, умеи говорить? Окна с рваными занавесками как прикрытые глаза, штукатурка на лице облупилась — свидетельство тяжелого прошлого или мяча, который бросал в стену ребенок лет десять назад. А то и все пятьдесят.

На другой стороне площади я заметила пристройку, соединявшую ветхий жилой дом с заброшенной портновской лавкой; на витрине все еще висела табличка.

— Подожди, — попросила я Джаду и, оставив ее с чемоданами, подошла ко входу.

Я вытащила носовой платок, окунула его в фонтан в центре площади, протерла руки и лоб. Разве может стоять такая жара в мае? Синьор Роберто вышел из бара и помахал нам. Цикады хором сливающихся воедино голосов отсчитывали секунды.

Я вспомнила одну из немногочисленных историй, которую рассказывала мне тетя Терпсихора ночами, когда мне не удавалось заснуть, и которая стала одной из моих любимых, — историю о цикадах.

Тетя Терпсихора, тетя Мельпомена и мама в тишине делали уроки за большим деревянным столом со следами сучков. Сестрам нравилось учиться, они не хотели бросать школу. Я никак не могла понять, почему все они очень рано перестали в нее ходить.

Эвтерпа и Талия первыми вышли на работу. В воскресенье днем они помогали бабушке Инес убираться, а потом убегали из дома: Талия гуляла с подругами, Эвтерпа уходила в поля за домом и брала с собой губную гармошку.

Только и всего. Несколько звуков хватало, чтобы отвлечь сестер от уроков, — даже Терпсихору, которая обожала писать, даже Талию, которая отрывалась от зеркала и выходила во двор, не закончив прихорашиваться. Гармошка Эвтерпы была волшебной. Негромкая мелодия смешивалась со стрекотом цикад, растворялась в сумерках. Она была такой светлой, что у сестер мурашки бежали по коже, рассказывала тетя Терпси. Ей самой хотелось медленно танцевать под нее.

Девочки находили башмаки Эвтерпы у корней яблони. Они слушали сестру. Кто-то сидел в высокой траве, кто-то бродил вокруг дерева, собирая одуванчики, Терпси танцевала. Цикады подыгрывали Эвтерпе.

В пристройку вела темная, сливающаяся со зданием деревянная дверь, которая слегка выпирала наружу. Она была похожа на буфет или длинное заколоченное окно. В центре двери виднелись очертания закрытой квадратной задвижки, сантиметров тридцать в ширину и высоту.

Я протянула руку, мне хотелось коснуться необычного здания на площади, где тишину нарушали только ранние цикады. Но в последний момент испугалась, как пугаюсь, когда меня обнимают. И не стала ее трогать.

Звук, с которым дверь заскребла по полу, эхом прокатился по комнате на первом этаже. Мы стояли с чемоданами на пороге, вдыхали запах пыли и гари. Нас обдало волной прохлады, прокатившейся по ногам и рассеявшейся до того, как она добралась до улицы.

Мы вошли внутрь, ступая с несвойственной нам осторожностью на яркий прямоугольник солнечного света, падающего на пол из открытой двери. Через заколоченное несколькими досками окно слева от входа тоже проникали лучи, исчезающие в тишине комнаты. Джада перекрестилась.

На противоположной стене угадывались очертания французского окна, но вместо стекол были вставлены крупные листы фанеры.

— Неужели ты совсем ничего не помнишь про дом? — спросила Джада. — Я имею в виду, может, ты помнишь, как вы приезжали сюда, когда ты была маленькая, или видела какие-нибудь фотографии?..

— Не знаю. Мы не бывали здесь лет пятнадцать. И тетя не любила фотографии. Кажется, я помню лестницу. И запах гари.

Я показала на огромное темное пятно на стене рядом с французским окном.

— Оно всегда здесь было.

Джада подошла ближе и принюхалась к стене.

— Пожар?

— Без понятия. Мне никогда не рассказывали.

Небольшой коридор вел в комнату поменьше: мы с Джадой решили, что здесь спали тети и моя мама в детстве, потому что там стояли две двухспальные кровати и две облупленные прикроватные тумбочки.

Достаточно ли места для пяти девочек? По тем временам — да. Обстановку дополнял высокий, во всю стену шкаф. Наверное, хозяйки комнаты часто ссорились, пытаясь ужиться вместе.

Они попробовали украсить комнатку, прикрепив к обветшалым деревянным изголовьям пять желтых ленточек, которые всё еще висели на своих

местах. Я не тронула их. Испугалась, что рассыплются от прикосновения.

В большой комнате не было мебели, только основание кровати, изгрызенный термитами стул, такой же, как в детской, и сервант без посуды. На бежевой стене, у которой он стоял, бледнела тень. Громадный камин, выложенный камнем внутри и снаружи, был черен, из его холодного жерла свисала почерневшая цепь.

В комнате было два окна. Одно, заколоченное выцветшими деревянными досками, выходило на улицу. Другое, французское, было закрыто большими листами фанеры. Джада с легкостью убрала их, и мы увидели то, что когда-то, наверное, звалось внутренним двором.

— Здесь, скорее всего, был туалет, — строила я догадки, выйдя наружу. Высокие многоквартирные дома теснились на месте прекрасных полей, куда Эвтерпа когда-то убежала играть на губной гармошке.

Из комнаты девочек наверх вела очень шаткая деревянная лестница, которая упиралась в квадратный люк. Я впервые увидела чердачный люк, или мне так показалось, ведь на самом деле я бывала в доме прежде. В детстве мама брала меня в гости к тете. До меня дошло, что вот уже много лет я не ездила сюда по собственному желанию. Сердце болезненно сжалось от чувства вины, которое неотступно сопровождало меня здесь.

Мы поднялись на второй этаж, опасаясь, что ветхие ступени провалятся. Казалось, мы оскверняем древний дом своими кроссовками. Мы с Джадой вместе толкнули крышку люка, и она с грохотом упала на полированный плиточный пол. Забравшись на чердак, я поняла, что именно здесь тетя и жила, в маленькой комнате с покатым потолком. Я обвела взглядом кровать, кухоньку, разбросанные повсюду стопки книг, вешалку — точь-в-точь как у меня дома, — на которой я развешивала куртки. Несколько полок пустовало, обувь Эвтерпы была аккуратно расставлена в коробках вдоль стены рядом с люком. Над идеально заправленной кроватью чердачное оконце, еще одно низенькое окно было занавешено белоснежными шторами. В крошечную ванную комнату, отгороженную гипсокартонными стенами, умудрились втиснуть все необходимое, даже стиральную машину, на которой тетя разложила расчески, свежевystиранные полотенца, красную помаду и телесного цвета лак для ногтей.

Тетя не оставляла ни пылинки внизу; столь же осмотрительно и рачительно она следила за комнатой, в которой жила. Как она сумела убедить рабочих провести электричество и поставить сантехнику в таком ветхом доме? А как она каждый день лазила на чердак и закрывала люк? Для этого нужно столько сил...

И снова я поймала себя на мысли, насколько отличаюсь от них, от женщин своей семьи. Я никогда

в жизни не держала в руках тряпку, никогда бы не взвалила на себя такую ответственность — отремонтировать ветхий дом и жить в нем. Но это был *их* дом.

Вслед за Джадой я поставила чемодан на пол.

— Думаю, мы можем пожить здесь некоторое время, правда?

Я открыла кран. Вода не текла. Прощай, родное журчание. Тетя что, забыла оплатить последний счет?

— Купим абонемент в бассейн, пока воду не включат, — Джада хорошо меня знала и попыталась приободрить. — А на ужин сегодня поедим пиццу!

Доставщик пиццы постучал в тяжелую деревянную дверь в тот момент, когда у меня зазвонил мобильник. «Мама».

— Обживаетесь там?

— Привет, мам. Да, можно и так сказать. Сейчас поужинаем и будем ложиться спать.

— Я говорила, что вам нужно взять с собой матрасы.

— У нас надувные. Как там тетушки?

Я слышала, как Талия что-то кричала, похоже, она хотела поговорить со мной, но мама приструнила ее на диалекте.

— Сядь! А то немцы придут!

— Мама, не пугай ее немцами, ну правда!

— Извини. Если я ее не припугну, она не даст мне ни секунды покоя.

Не думаю, что мама сочла мою затею сорвать-ся в Брешию хорошей. Она бы предпочла, чтобы я сначала закончила писать диссертацию... Или еще что-нибудь в этом духе.

— Ты справляешься с магазином?

— Заглядываю туда время от времени. Я беру меньше заказов и сократила рабочие часы.

— От истории с Лоренцо слишком много проблем...

— Ты правильно сделала, что поехала, Чечилия. Возможно, ты бы здесь справилась лучше меня, но... я с тобой.

Я улыбнулась.

— Не совсем так.

— Ты знаешь, что у меня не очень хорошо получается поддерживать на словах. Я смущаюсь, и толку от меня никакого.

«А еще скрываешь проблемы или веришь, что справишься с ними». Я промолчала. Джада вернулась и поставила коробки с пиццей на крошечный обеденный стол тетушки.

— Ну ладно. Не буду отвлекать от ужина. Держи меня в курсе.

— Ты тоже. Я в мгновение ока вернусь, если понадобится вам.

— Не переживай. Спокойной ночи, милая. Передавай привет Джаде.

— Да. Спокойной ночи. А, мама... Кай приедет в четверг.

— Я знаю. К несчастью.

— Будь с ним вежливой. И, мама... как пожелать спокойной ночи по-гавайски?

— *Buenas noches**.

— Мама!

Она повесила трубку.

— Мама передает тебе привет, — сказала я Джаде, аккуратно разделяя разрезанную на кусочки «маргариту». Джада жевала третий кусок.

— *Grascie***.

— Завтра нужно будет сходить в магазин.

— Я со всем разберусь. Ты иди в районную администрацию, а я заскочу в новый торговый центр, который мы заметили из поезда, и куплю продуктов на неделю.

Мы закончили ужинать и надули матрасы. Никто не пожелал спать на кровати Эвтерпы. Взявшись за зубные щетки, мы обнаружили, что привезли с собой только упаковку газированной воды. Пришлось полоскать рот газировкой.

Наконец Джада уснула, и я смогла немного побыть одна. Стараясь не шуметь, я встала с матраса и отправилась на кухню. Мне бы хотелось

---

* *Buenas noches* (*порт.*) — спокойной ночи.

** *Grascie* (*порт.*) — спасибо.

сдержаться, но не вышло: я успокаиваюсь, когда пересчитываю предметы, поэтому в голову пришла мысль, что можно составить опись вещей, которые тетя Эвтерпа хранила на чердаке. Предметы обихода семидесятипятилетней синьоры обладали удивительным очарованием, и на миг я задалась вопросом, что найдут среди моих вещей лет сто спустя и что подумают о девушке, которая одевалась в старье, хранила незаконченные списки и коллекцию странных маленьких пластинок, музыкальных дисков с этнической музыкой, умолкшей до скончания веков.

Я начала с кухни, надеясь избавиться от навязчивых мыслей, и мне показалось, что я вернулась домой: в первом из медленно выдвинутых мной ящиков оказались инструменты для приготовления свежей пасты, нож для пиццы, короткая скалка и мерные ложки. Скорее всего, последними не пользовались: женщины в моей семье всегда замешивали тесто на глаз — то ли считали, что делать измерения ниже их достоинства, то ли полагались на опыт. Мука, соль... они зачерпывали их умелыми руками и не ошибались в пропорциях.

В мусорном ведре под раковиной лежали упаковки последних продуктов, купленных тетей: коробка из-под яиц, пакет из-под муки, банка из-под йогурта. В шкафах я нашла полпакета сахара, прихваченного красной бельевой прищепкой, и две нетронутые банки абрикосового джема. Тетя Эвтерпа

всегда готовила поразительно вкусный джем. Уверена, даже Кай бы не устоял.

В ванной комнате над стиральной машинкой висел шкафчик, в который мы не заглядывали. Я подумала, что в нем стоят какие-нибудь чистящие средства... Нет, «какие-нибудь» — мягко сказано. В шкафчике нашлось не меньше десятка одинаковых бутылок с кондиционером для белья и столько же упаковок лимонного «Мистера Пропера». Такое случается с людьми, чья память постепенно угасает. Они теряются в повседневности, идут в магазин, приносят покупки домой, забывают о них, и так по кругу. Тетя Эвтерпа, должно быть, тысячу раз включала эти два средства в список покупок...

Я закрыла шкаф. Невыносимо смотреть на нетронутые бутылки кондиционера с ароматом ванили, которые хранились в тишине тетушкиного дома.

Второй этаж был освещен красивой луной, выросшей до трех четвертей. Проходя по нему, я внезапно осознала, что, когда тети были маленькими, чердак, наверное, использовали как хранилище или кладовую. Я полистала книги, сложенные вдоль длинной стены. Женщины в моей семье всегда любили читать. Эвти заражала других огнем, горевшим у нее внутри: любовью к поэзии, музыке. Политика? Здесь было много книг, написанных известными деятелями истории Итальянской

Республики и иностранными авторами. Кем бы ты выросла, тетя, имей ты такую комнату в детстве?

Я выглянула из низкого окошка. Улица была пустынна, ее затопило сумраком, темным, как течение ночной реки. Снаружи, на оконном отливе, который на деле оказался всего-навсего доской, приколоченной горизонтально к краю, что-то лежало: маленький ржавый ключ. Тетя Эвтерпа, зачем тебе понадобилось прятать ключ за окном на втором этаже?